

В.В. Курицын

Томские трущобы
Уголовный роман-хроника

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
В11

В.В. Курицын
В11 Томские трущобы: Уголовный роман-хроника / В.В. Курицын – М.: Книга по Требованию, 2022. – 164 с.

ISBN 978-5-4241-1872-2

Курицын Валентин Владимирович (1878-1908) поэт и беллетрист. Служил в Управлении Томской ж. д. конторщиком. Печатался в томских газетах и журналах: "Сибирский вестник", "Сибирский наблюдатель", "Сибирские отголоски".

Успехом пользовался его приключенческий роман "Томские трущобы", который (за подписью Не-Крестовский) печатался сначала в газете "Сибирские отголоски", затем вышел отдельной книгой

ISBN 978-5-4241-1872-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© В.В. Курицын, 2022

Курицын Валентин
Владимирович
Томские трущобы

ВАЛЕНТИН КУРИЦЫН

Томские трущобы

Уголовный роман-хроника

Курицын Валентин Владимирович (1878-1908) поэт и беллетрист. Служил в Управлении Томской ж. д. конторщиком. Печатался в томских газетах и журналах: "Сибирский вестник", "Сибирский наблюдатель", "Сибирские отголоски".

Успехом пользовался его приключенческий роман "Томские трущобы", который (за подписью Не-Крестовский) печатался сначала в газете "Сибирские отголоски", затем вышел отдельной книгой (Томск, 1906).

Сибирская Советская Энциклопедия, т. 2, стр. 1131

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПО ПРИТОНАМ И ВЕРТЕПАМ

1. У "НИКИТКИ РЫЖЕГО"

...На одной из окраин г. Томска уютится старое, почерневшее от времени здание. Над входной дверью видна вывеска следующего содержания: "Белая харчевня и чайная".

Место здесь глухое, малозастроенное. Зимой улица бывает занесена сугробами снега, а осенью утопала в грязи. О фонарях и помину нет.

Казалось бы, что при таких условиях дела "Белой харчевни и чайной" должны быть в незавидном положении, а между тем, хозяин учреждения на отсутствие посетителей пожаловаться не мог. У него была своя "особенная публика". Все городские жиганы; все "фартовые" дельцы, начиная от мелких воришек и кончая крупными рыцарями больших дел и рецидивистами, находили здесь приют и радушие только в том случае, если они были при деньгах. Некоторые же из фарто-виков, наиболее крупные, давали взаймы деньги и кредит.

В задней комнате харчевни, грязной и прокуренной, находился своего рода клуб: здесь соби-рались молодцы погулять и отдохнуть от работы, здесь назначались деловые свидания главарей всевозможных темных дел. Здесь же реализовалось сердце предприятий: хозяин харчевни был вместе с ними.

Немудрено, что "Никитку Рыжего", так звали жулики хозяина харчевни, знали и считали своим, потому что не было уже больше места на больших оживленных улицах города для тех, кто избегая столкновений с полицией, предпочитал скрываться на окраинах.

В один холодный весенний вечер, когда харчевня была освещена двумя лампами к буфетной стойке подошел новый посетитель. Это был молодой парень могучего телосложения, одетый в старое рваное пальто и высокие сапоги, забрызганные грязью.

Подойдя к стойке он лихо заломил фуражку на ухо и протянул хозяину руку:

- Никите Ивановичу наше особенное!

Хозяин пристально взгляделся в подошедшего.

- Сенька! "Козырь"! Какими ветрами занесло! Где это ты пропадал!

- Далече отсюда не видать, Никита Иванович! Ходил, бродил по белу свету - до Иркутска-города, до Байкал-озера - бойко отвечал парень, оглядывая между тем посетителей харчевни.

- Ну, чем тебя потчевать прикажешь? За гривенник налить, штоль?

- Сыпь за гривенник.

Хозяин наклонился, из-под прилавка достал большой фаянсовый чайник, в котором он держал водку для "мелкого потребления". Открытой торговли крепкими напитками здесь не производилось.

- Вот что, Никита Иванович! На той половине никого из "ветошных" нет? спросил Сенька, выпивая стаканчик. "Ветошными" на жаргоне воровского мира называются вообще все люди, не причастные к нему, себя же люди, подобные Сеньке, называют "блатными".

- Никого нет. Проходи. - Сенька Козырь и хозяин прошли в маленькую комнату, позади буфетной стойки. Свет лампы, которую зажег хозяин, осветил грязные запыленные стены, два-три столика, обтянутые черной порванной клеенкой и несколько простых табуреток. Оба окна комнаты были плотно завешаны ситцевыми шторами.

- Дай ты, братец, мне пока што, полбутылки да огурчиков солененьких парочку! Да никого из чужих сюда не пускай! Надо мне здесь с человеком повидаться.

Хозяин вышел из комнаты. Козырь в ожидании водки принялся свертывать папиросу.

- Кого ждешь-то. - спросил хозяин, подавая графин и закуску.

- Самого Егорина, - ответил Козырь вполголоса.

- Егорина! Э-э да ты, стало быть сегодня при деньгах будешь! Дело стало быть наклеивается.

Козырь покачал головой.

- Сам еще не знаю. Был я вчера у Петровича, сказывал сам упредить меня, чтоб подождать его у тебя. Зачем - не знаю.

- Давно ты в наших-то палестинах объявился.

- Третьего дня приехал.

- А я уж думал "зацинговался" ты (попался полиции). Около года не было тебя. Ну, пока еще бог милует! Выпей со мной, Никита Иванович, поздравь с приездом!

- Ну, давай наливай! Как не выпить с хорошим человеком! Что у вас в Томске нового? Как наша "хевра" (товарищеская городская воровская организация) поживает? - расспрашивал Козырь. - Кто из знакомых засыпался?

- Фомка кривой сидит с Митькой-цыганом; они за истоком.

- На "шниф" ходили, что-ли (кража со взломом).

- Какое! "Мокрый гранд" (убийство).

- Жалко ребят, - сочувственно отозвался Козырь, - хорошие товарищи были!..

"Сам", или Егорин, которого поджидал Сенька, появился в Томске лет восемь тому назад. Пришел он в Сибирь по "владимирке", был прописан как крестьянин из ссыльных одной из подгорных волостей.

Прошлое Егорина для всех, знавших его, было тайной за исключением одного человека, тоже выходца из России, поселившегося в Томске в конце 80-х годов, - некоего Кочерова. Очевидно, было что-то общее в прошлом у этих людей. По прибытии своем в Томск Егорин нашел приют у старого друга Кочерова, тогда уже зажиточного человека, имевшего свой домик и доходное дело - садовое и огородное заведение.

Понемногу и сам Егорин стал в люди выходить. Денежки у него появились,

торговлишкой занялся. Знакомство с разными "фартowymi" людьми свел. Приходилось ему дело и с полицией иметь: то в беспатентной продаже вина попадет, то краденные вещи у него найдут.

Вообще, репутацию себе составил нелепую, но как умный и бывалый человек, умел всегда выходить из воды сухим. Все же эти темные дела давали Егорину, очевидно, хорошие барыши, так как в то время, к которому относится рассказ, у него был уже собственный дом на Верхней Елани. При доме лавочка. И никто, конечно, из видевших Егорина в сером арестантском халате, не признал бы его в настоящем положении в роли домовладельца и коммерсанта. В темном воровском мире у Егорина были свои помощники, вроде Сеньки Козыря, на которых он полагался вполне.

2. НА УДАВКУ

...В дверь комнаты постучали.

- Кто там? - откликнулся хозяин.

- Выдите на минутку! - раздался голос подручного. - Вас спрашивают.

Хозяин вышел за прилавок.

- Кто спрашивает?

- Со двора кличут, - ответил подручный.

Никита Иванович вышел через темный коридорчик на заднее крыльцо и остановился у запертой двери.

- Кто здесь?

- Отвори, Никита Иванович, свои, - раздался за дверью скрытый несколько хриплый голос. Далее последовал раздраженный оклик на цепную собаку, завывавшую около крыльца.

- Цыц, ты проклятая, не узнала.

- А, господин Егорин. Пожалуйста! Сенька Козырь давно вас ожидает...

Они прошли в дом.

- Ну и ночка выдалась, - заговорил Егорин, идя вслед за хозяином, - зги не видно.

- На лошади, аль пешком.

- На лошади - во дворе привязал.

- Не боишься, что угонят, - усмехнулся хозяин.

Сенька при виде Егорина оставил недопитый стакан, поднялся из-за стола.

- Заждался я вас, Кондратий Петрович, - начал он.

Егорин расстегнул пальто и присел к столу.

- Выйди-ка, Никита Иванович, "пострем" там около дверей, а мы тут потолкуем малость...

- Вот какое дело, - продолжал Егорин, когда они остались с Козырем наедине, - перво-наперво, скажи ты мне, вид у тебя есть.

- Есть "липовый". В Иркутске еще справил.

- Ну, а насчет монет-то, поди, не густо.

- Да не мешало бы принажиться малость! - усмехнулся Козырь, начиная понимать, о чем хочет говорить с ним Егорин. Но тот молча прошелся несколько раз по комнате и, хлопнув Козыря по плечу, зашептал:

- Слушай, Семен, - есть "работа"! Будет у тебя и паспорт чистый и деньгами получишь сумму немалую, только помни: седни ночью дело обделаем, а завтра утром садись в машину и уезжай из Томска. Здесь не хороводься, "засыплешься"!

Можешь ли так соответствовать.

Глаза Егорина пытливно впились в лицо парня.

- Что вы, Кондратий Петрович, али мне впервой! - даже обиделся Козырь. - Что я, присох, что ли, к Томску: знамо дело - были бы деньги да вид, а уж "шухор" не возьму (не попадусь с поличным).

- Ну так по рукам! - И Егорин вынул бумажник и протянул Козырю десять рублей.

- Велика ли "работа"-то? - спросил тот, пряча задаток.

- "Работа" простая! На удавку возьмешь одного "фраера" да и того подмоченного человека приезжего, доверчиво идущего на уловки преступников.

- Ходит, хозяин, - уже весело отозвался Козырь, - а по отделке сколько.

- Пять красных и чистый документ, с которым куда хочешь поезжай!

- Маловато, Кондратий Петрович, главная вещь - на дорогу деньги надо!

- Ну три четвертных, действуй только на совесть!

Егорин достал из кармана небольшой кусок сахарной бечевы, обильно натертой мылом, с петлей на конце.

- Вот тебе "струмент". Я теперь пойду, а ты малость обожди, а после тоже иди. Я буду ждать тебя на углу...

Часа два спустя, к одному двухэтажному дому на углу темного кривого переулка подъехал коробок, забрызганный грязью, в котором сидел Егорин и еще кто-то.

- Сюда сворачивай, направо! Остановись около калитки!

- Приехали - спросил спутник Егорина.

- У цели своего странствия-с, - подобострастно ответил тот, вылезая из коробка.

Сюда пожалуйста-с! Шагайте пошире-с: тут грязь!

- Ты, парень, - продолжал Егорин, обращаясь к импровизированному кучеру, - коня-то заведи во двор, поставь под навес, да смотри не спи! Вишь, ночь-то какая - зги не видно, того гляди с коробком вместе!

- Пошто спать, будьте покойны. Все будет в исправном состоянии.

Егорин и его спутник, оставив Сеньку Козыря с лошадьёю, вошли во двор.

- Сюда пожалуйста! Вот в это крылечко, - и Егорин постучал легонько в дверь.

Прошло минуты две... Все было тихо... Накапывал мелкий надоедливый дождик...

- Спят, что ли, они! - досадливо пробурчал Егорин.

...Темный ставень окна, ближайшего к двери, прорезала полоска света. Загремел дверной засов.

- Кто тут-о-ка. - Раздался за дверью женский голос.

- Ну, пошевеливайся, тетенька, встречай гостей, - отозвался Егорин.

Дверь отворилась. На пороге стояла уже немолодая женщина, одетая без претензий на моду. Высоко держа над головой лампу. Это давало возможность рассмотреть ее сухощавое, вблизи сильно напудренное лицо.

Она посторонилась, пропуская гостей вперед.

- Пожалуйста, Кондратий Петрович! Пожалуйста, гости дорогие! Милости просим!

Голос у нее был тихий слащавый, с неприятным оттенком. Раздевшись в по-

лутемной прихо-жей, где сильно пахло керосином от закопченной лампочки, гости прошли в следующую комнату. Это - небольшое зальце, оклеенное розовыми обоями. В простенке виднелось, дешевенькое, все засиженное мухами зеркало. В комнате стояли диван и два кресла, с выцветшей от времени обивкой. Очевидно, купленные где-нибудь по случаю. На круглом преддиванном столике горела лампа под розовым абажуром из бумаги.

...Пахло какими-то дешевыми грубыми духами.

- Хе, вот мы и дома, так сказать, - заговорил Кондратий Петрович, усаживаясь в кресло, - можно теперь побеседовать келейно, хе, хе!

Спутник его - молодой человек, почти юноша, с розовым круглым безбородым лицом - одет был в купеческого типа темно-синюю поддевку, по борту которой болталась массивная золотая цепь, с любопытством оглядывался кругом и нервно мял в руках мягкую фетровую шляпу.

- Тетенька! - крикнул Егорин, - поди-ка прими от моего кучера, там он во дворе, лошадь привязывает, кулечек. Захватили мы с собой малость живительной влаги да закусок.

- В один момент, Кондратий Петрович! Беседуйте, гости дорогие! - и "тетя" вышла в сени.

- А где-ж она, девица-то. - Шепотом спросил юноша в поддевке.

Егорин вместо ответа встал, подошел к противоположной двери, закрытой ситцевой занавеской, и забарабанил пальцами.

- Есть кто живой? Отзовися!

- Ах, что вы! Сюда нельзя: я прическу делаю, - послышался молодой и нежный девичий голос.

- Чувствуете! - подмигнул Егорин своему спутнику.

У того по лицу расплзлась глупая самодовольная улыбка.

- А хороша. - Прошептал он.

- Бутон - одно слово!..

3. ТАЙНА, СКРЫТАЯ ВОЛНАМИ ТОМИ

Кондратий Петрович самодовольно крякнул и закурил папиросу.

- Для кого другого, а для вас, Василий Иванович, постараемся: со дна моря достанем. - Василий Иванович блаженно улыбнулся.

- Поверьте, Кондратий Петрович, - прошептал он, - я этого дела не забуду, благодарность свою чувствую во-о как!

- Главное вы, Василий Иванович, насчет мяса-то батюшку уломайте. Чтобы значит по девяти рублей кругом.

Василий Иванович неторопливо махнул рукой.

- Слово мое твердо. Как сказано, так и будет...

В комнате на минуту воцарилась тишина...

- Вот, батюшка, Кондратий Петрович, кулечек ваш, - появилась хозяйка, неся в руке большой и, видимо, тяжелый сверток.

- Ага, вот хорошо! Давай его сюда, мать честная! - И Егорин, приняв от хозяйки сверток, стал выгружать содержимое.

На столе появилась бутылка коньяку, бутылка рябиновой, еще какое-то вино, фрукты и закуска.

"Тетенька" даже руками всплеснула.

- Угощений-то сколько! И для чего так тратиться...

- Ладно, мать честная! Давай подсаживайся, да, впрочем вот стаканчики и тарелки: не с рук же есть.

- В один момент, Кондратий Петрович!

Василий Иванович вздохнул, отложил свою шляпу на диван и слегка недовольным тоном произнес:

- Чего же она не выходит, время уже не раннее.

Фразу его подхватила хозяйка, возвращавшаяся с кухни со стаканчиками и тарелками.

- А сейчас, голубчики, сейчас! Катенька! - подошла она к двери. - Скоро ли, голубушка? Гости заскучали.

За дверью послышался сдержанный голос.

- Марфа Семеновна, подтеки сюда на минуточку, шпилек я никак не могу найти.

- Ох, ты мое золото, иду, бегу, - и хозяйка скрылась за дверью.

Егорин между тем не терял времени и усиленно угощал Василия Ивановича. Они выпили по два стаканчика коньяку.

- Эх, Кондратий Петрович, - заговорил Василий Иванович, обсасывая кусок лимона, сижу вот я сейчас и думаю, ежели бы мне да при моем характере тетенькин капитал. Чтобы я тогда сделал. Р-раздолжил бы, могу сказать!

- Выпьемте, Василий Иванович! - сочувственно подхватил Егорин, вновь наполняя стаканчики.

- Вы вот теперь, - продолжал он, - человек сказать еще молодой, а уже от тетеньки большое доверие имеете. Шутка ли! Сегодня в банке сколько получили, Василий Иванович?

Василий Иванович самодовольно улыбнулся.

- 30 тысяч кругленьких. В Америку с ними бы залиться, а? - он рассмеялся полупьяным смехом.

- Здравствуйте! - тихо произнес кто-то.

Портьеры, закрывавшие двери в соседнюю комнату, приподняла маленькая ручка и в залу вошла молодая стройная девушка.

Темное, скромного фасона платье красиво облегло молодую пышную грудь девушки. Она робко и смущенно улыбалась, глядя на собеседников, и стояла в нерешительности среди комнаты.

Егорин привстал.

- Вот познакомьтесь! Прошу любить и жаловать! Господин азбуки глаголет, купеческой первой гильдии сын.

Василий Иванович, в свою очередь, встал и раскланялся с девушкой.

- Позвольте познакомиться, - пробормотал он.

На сцене вновь появилась тетенька.

- Подсаживайся, Катенька, подсаживайся к столику. Вот мы с тобой по женскому сословию выпьем чего-нибудь легонького.

- Ах, что вы! - законфузилась девушка. - Разве это возможно - я не пью.

- Пожалуйте, мадамзель, сюда на диванчик, здесь помягче будет.

Катя все еще улыбалась и как-то застенчиво опустила на диван рядом с Василием Ивановичем. Ее бойкие серые глаза быстро и с любопытством скользнули по его фигуре. Вино было разлито.

- Вам, тетенька с барышней - мадерцы, а мы коньячку хватим. Ну-ка давайте

со свиданием-то...

- Ух, какая крепкая, - закашлялась тетенька.

Катя отпила глоток и поставила рюмку.

- Нет, уж это вы, барышня, оставьте, этим вы нас много обижаете, извольте выкушать всю, - и Василий Иванович потянулся с рюмкой, расплескивая вино и принимая обиженный вид.

- Не привычна я, - отнекивалась Катя, - отродясь не пивала, голова болеть будет.

- И-и, молодка моя! С добрыми людьми посидеть - не будет голова болеть. Выпей себе на здоровье, не конфузься - свои люди.

- Веселее будешь, - поддакнул Егорин.

Девушка выпила, поперхнулась и закашлялась, прижав платок ко рту.

- Это кто-то торопится, - ласково улыбнулась она в сторону Василия Ивановича.

Тот, уже окончательно пьяный, осоловев от выпитого коньяка и близости горячего тела, пробормотал:

- Ку-кушайте! Веселых я очень обожа-аю.

- Оставим их тетенька, - подмигнул Егорин, - пусть молодые люди промеж собой поговорят.

- Ах, что это вы, как же это одним можно, - запротестовала Катя, но Егорин и тетенька уже скрылись в соседней комнате.

- Позвольте теперича узнать, - тих и возбужденно заговорил Василий Иванович, еще ближе подвигаясь к девушке, - как вас понимать должен.

Правильно ли мне про вас говорили.

- То есть, что это, - переспросила Катя, поправляя прическу.

- На счет вас то есть. Значит, как мы сто рублей... Будет ли все в аккурате.

Девушка вместо ответа звонко расхохоталась и положила свои руки к нему на плечи.

- Какие у вас странные глаза! Я люблю блондинов!

Василий Иванович крепко сжал тонкий и послушный стан девушки.

- Хоть двести. Потому при наших капиталах...

Девушка как-будто невзначай, налила свою рюмку, плеснув порядочную дозу коньяка в стакан Василия Ивановича.

- Ежели бы теперь, после всего этого, - заговорила она, выпивая свою рюмку, - знать я могла, что со мной завтра будет.

И она быстрым, почти незаметным движением, пользуясь тем, что Василий Иванович потянулся за спичками, высыпала ему в стакан щепотку чего-то белого. Василий Иванович видимо чувствовал себя наверху блаженства. Он раскинулся на диване, щурил глаза и попыхивал папироской.

- А ваш стакан, что же стоит, вы отчего не выпили? - и Катя, взяв стакан, протянула его Василию Ивановичу. - Выпейте за мое здоровье!

- Мо-ожно. Сколько угодно...

Стакан был осушен.

- Тьфу, горчит что-то, - сплюнул Василий Иванович, вновь наваливаясь на спинку дивана.

Минут через пять он уже спал... И по мере того, как лицо Василия Ивановича бледнело, дыхание становилось все реже и реже, с лица девушки исчез оттенок

нежности и любовного томления. Она глубоко вздохнула, как актриса, сыгравшая свою роль, и убедившись, что "фраер готов", резко поднялась из-за стола и крикнула:

- Идите, что ли.

Появился Егорин.

- Ключуло что ли.

- Готово дело. Пожалуйста уговоренные!

Егорин вынул ей 25 рублей.

- Молодец, Катька! Сенька, - продолжал он, - иди сюда. Напился наш гость до чертиков, тащить его надо!

Соединенными усилиями Егорин и Козырь подняли отяжелевшее тело Василия Ивановича и вынесли на крыльцо.

Кое-как усадив в коробок грузную и мотающуюся фигуру, Егорин пошептавшись о чем-то с тетенькой, уселся сам, поддерживая рукою своего спутника. Когда они, незамеченные под покровом ночной темноты, выехали за ворота, Сенька спросил:

- Куда везти-то.

Знамо дело к томи...

4. БЕСКРОВНАЯ ЖЕРТВА

Темные глухие переулки болота остались позади. Город спал. Был уже третий час ночи - время, когда не только томские обыватели, но и стражи общественной тишины и спокойствия мирно покоятся в объятиях морфея. Нашим героям удалось поэтому благополучно миновать, не встретив никого, главные улицы города, Василий Иванович не обнаруживал никаких признаков жизни.

Оставив вправо от себя темневшее здание завода Андроновского, они выехали на пустыри, которые тянулись по правому берегу томи. Здесь было глухо, темно и мрачно. Ветер уныло шумел в придорожном чахлам березняке.

Дорога делала поворот и, оглянувшись назад можно было видеть ряд мутных огоньков вдоль набережной и слабый свет электрических фонарей в центре города.

- Свороти ка в сторону, Семен, - нарушил молчание Егорин, когда они поравнялись с длинным рядом деревянных штабелей, - место здесь самое подходящее...

Коробок запрыгал по кочкам и пням пустыря.

- Остановись тут!..

Они вытащили безмолвную фигуру Василия Ивановича и положили на землю.

Первым долгом Егорин обшарил карманы своей жертвы, вынул бумажник, связку ключей и, затем, отойдя в сторону, бросил вполголоса: "действуй!.."

Семен крикнул, достал удавку и низко наклонился над лежащим на земле.

Минуты три все было кругом тихо, слышно было только тяжелое дыхание Козыря, потом пронесся легкий хрипящий стон и все было кончено...

- Пошла душа в рай, только хвостиком завияляла, - вырвалось у Козыря, он присев на корточках около трупа, нащупал сердце, которое еще содрогалось предсмертными конвульсивными толчками.

- Кабы не подмоченный он был, здорово пришлось бы повозиться: шея-то толстая, как у быка.